

Философские категории и экзистенциалы: сравнительный анализ

Н. В. ТИМОХИН

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье проводится сравнительный анализ философских категорий, охватывающих объективный мир, и экзистенциалов, выражающих состояние внутреннего мира человеческой личности.

Философские категории, отображающие объективный мир, это универсальная категория «бытие»; категория, обозначающая отдельную разновидность бытия — «сущее»; категории, обозначающие виды, стороны и свойства сущего, — «идея», «материя», «движение», «пространство», «время», «причина», «отношение», «взаимодействие» и т. д.

Среди экзистенциалов рассматриваются: «экзистенция», «страх» и «смысл жизни». У двух последних экзистенциалов обнаруживается, помимо такого свойства, как универсальность, свойство парности. Структура экзистенции выстраивается через смену ее состояний от «страха» к «смыслу жизни» через более конкретные состояния.

В связи с этим проясняется различие методов классического рационализма и экзистенциализма, в основе которых лежат соответственно абстрагирование и конкретизация. Эти методы указаны как два противоположных направления мышления: в зависимости от того, к какому взаимодействию они направляют мыслящего субъекта, — или с безответным объектом, или с другим субъектом. Смена состояний экзистенции, выражаемых в экзистенциалах, происходит в процессе развития личности.

Некоторые экзистенциалы связаны с онтологией, гносеологией, не становясь при этом понятиями соответствующих философских дисциплин. В своем содержании наиболее универсальные экзистенциалы переводят в свою сферу значения классических категорий: «бытию» соответствует «экзистенция», «сущему» — «экзистенциал».

Проблемы структурирования экзистенции возникают в результате невозможности ее объективации. Но проблемы возможно преодолеть, используя язык, который четко структурирован сам по себе безотносительно к сфере его использования.

В статье утверждается, что рассмотрение человеком самого себя через экзистенциалы не приводит к утрате целостности «Я» в отличие от использования для этой цели категорий классической философии.

Ключевые слова: философская категория, экзистенциал, экзистенция, абстрагирование, конкретизация, объективный мир, интерсубъективный мир, обыденность, неподлинное бытие, М. Хайдеггер.

Совершившийся в западном мышлении в XIX–XX вв. философско-антропологический поворот нашел отражение в философской терминологии, когда вместо классических категорий на первый план выдвинулись экзистенциалы. Категории, составляющие фундамент философского языка и охватывающие объективный мир, в наибольшей мере на уровне *макрокосмоса* в философско-антропологическом понимании¹ наличного бытия имеют определенные границы применимости в философствовании. В *микрокосмосе* (человеческом существовании) есть свои уровни абстракции. Одно из наиболее абстрактных понятий, относящееся к микрокосмосу, — это *смысл жизни*. Им, его наличием или отсутствием определяется качество и содержание всей экзистенции, а главное — ее направленность. Как пишет А. Э. Воскобойников, «именно на высших уровнях ценностных представлений и ориентаций складываются убеждения и идеалы личности, формируются и осознаются ее жизненные позиции и цели деятельности, приобретает логически и эмоционально “выстраданный” характер *смысл жизни*» (Воскобойников, 2013: 24).

Смысл жизни — главный положительный экзистенциал, представляющий собой преодоление главного отрицательного — страха. Два указанных экзистенциала являются универ-

сальными и парными. Если дан экзистенциальный страх, то смысл жизни тоже дан через свое отсутствие. Экзистенциалы «страх» и «смысл жизни» — парные. Зная одно, знаешь и другое как его противоположность. Смысл жизни понимается как то, что устранил экзистенциальный страх. Путь от страха к смыслу жизни совершается через конкретизацию этих понятий. Абстрактное знание смысла жизни дается сразу вместе со страхом, а вот личностное понимание, обретение его дается только через конкретные варианты. Они настолько конкретны, что могут быть случайными и уникальными для данной личности. Но без уникальности не было бы самой личности, следовательно, ее не было бы без конкретизации изначально данных состояний.

Если классическое философское рассмотрение внешнего мира начинается с *абстрагирования*, то экзистенциальное философствование начинается с *конкретизации* всеобъемлющих понятий экзистенции (аналитики Dasein у М. Хайдеггера). В экзистенции изначально данные понятия — они же и самые *всеобъемлющие, универсальные*. К ним не нужно абстрагироваться, они даны в самом изначально миропереживании.

У макрокосмоса (объективного мира) и микрокосмоса (экзистенции) диаметрально противоположные пути понятийного постижения — соответственно *абстрагирование* и *конкретизация*, движение мышления «вверх» и «вглубь». Середина же, точка отсчета обоих направлений — это наличное бытие, непосредственная эмпирическая данность, «в-себе-бытие» (Ж.-П. Сартр), с которым связан обыденный уровень сознания. Эта обыденность — «видимая зона», «видимый участок» спектра мышления, простирающегося от высоты абстракций до глубины конкретных личностных переживаний. Обыденность — сфера потенциального взаимодействия макро- и микрокосмоса, в которой результаты мышления *делаются видимыми*, она — «индикатор» результатов мышления и любой духовной деятельности. Об этом говорит то определение знания, которое выдвинул Аристотель, выражая взаимодействие мыслителя с обыденным сознанием: «Знать — это уметь объяснить ребенку».

Классической философии начиная от картезианского *cogito* свойственен так называемый метафизический эгоизм (Л. И. Шестов) — рассмотрение бытия из некоей абсолютной точки, называемой «трансцендентальным субъектом». Понятие «Я» означает именно такого субъекта, такое значение признается философским, в результате чего теоретически допускается отсутствие других людей. Эта философия исходила из субъект-объектных отношений. Особенность проблематики экзистенциализма состоит в переходе от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Именно в таких отношениях проявляется личность. Поскольку в классическом рационализме от Р. Декарта до В. Ф. Гегеля понятие «Я» обозначало трансцендентального субъекта, то все содержание этого понятия становилось универсальным для всех людей, а личность как таковая, можно сказать, не имела значения. В субъект-объектных отношениях личность не проявляется, субъекту достаточно быть субъектом. И только в субъект-субъектных отношениях проявляется личность, а не только субъект. Классический рационализм имел проблематику отношений субъекта с *безответным* объектом познания и рассуждения и посредством этого беспрепятственного освоения человеком мира и установления человеческого господства над природой. Экзистенциализм сменил эту проблематику на проблематику противостояния человека наличному бытию, сопоставления себя не с миром в целом, а с другими людьми, получения подлинной оценки себя *извне* и обретения смысла жизни в этой оценке. Все это обозначается как проблема личности. Проявление личности — подлинная коммуникация и личностные поступки.

Экзистенциалы имеют свою структуру, которая образуется проявлениями личности и движением от «страха» к «смыслу жизни». Эта структура определяется тем, какое состояние экзистенции первично, а какие — производны от него, например следствие, мотив, сто-

рона или способ преодоления. Многие философы-экзистенциалисты основным экзистенциалом объявляют *страх*, главные мотивы которого — *смерть* и *абсурд*, важнейшие стороны — *заброшенность* и *пограничная ситуация*, следствия заброшенности — *забота*, *забвение*, *стыд*, *уход*. Средства преодоления заброшенности — *совесть*, *проект себя*, *подручность* (М. Хайдеггер), *коммуникация* (К. Ясперс), ведущие к *пониманию*, *любви*, *истинности*, выстраивающие *смысл жизни*.

Экзистенциалы могут быть ориентированы на онтологию (*экзистенция*, *ничто*, *место*, *этап*) или на гносеологию (*понимание*, *истинность*), не превращаясь при этом в понятия онтологии или гносеологии.

Каждый экзистенциал имеет внешнее сходство со словами обывденного языка. Например, в обывденном языке «страх» — это боязнь чего-то конкретного: предмета, явления, ситуации. Экзистенциальный «страх» не связан ни с чем конкретным — это страх собственного бытия, его абсурдности и конечности, т. е. «абсурда» и «смерти». Предмет страха в данном случае неустраним и даже не выявляем в одно действие. Преодоление такого страха происходит в процессе развития личности, путем конкретизации «страха» как всеобъемлющего экзистенциала и других состояний экзистенции до связки их с определенными, *личными* ситуациями. Сам «страх» как экзистенциал — всеобъемлющ, но его нужно связать с конкретным, личным для его преодоления. «В итоге, — пишет А. Э. Воскобойников, — постепенно возрастает значимость и определяющая роль не только «диктата *прошлого*», а народившегося *настоящего* и зарождающегося в настоящем “зова *будущего*”. Речь идет о целереализации и целереализации, которые все более и более зависят от свободного выбора и творческой деятельности самих субъектов» (там же: 24). Если мы теперь посмотрим на экзистенциал «смысл жизни», находящийся на противоположном полюсе, то он, как было показано выше, также складывается из своих конкретных вариантов, проявлений, уникальных для данной личности. Отсюда следует невозможность навязать смысл жизни извне, декларировать его.

Перейдем теперь к содержанию самих экзистенциалов. Всеобъемлющим, содержащим в себе все прочие как свои состояния, свойства и качества является экзистенциал «экзистенция». Аналогия понятий «бытие» и «экзистенция» проходит по линии «макрокосмос — микрокосмос». М. Хайдеггер начинал свою философию с выработки принципиально новой постановки вопроса о *бытии*, не связанной с такими его характеристиками, как «предельно общее», «неопределимое» и «само собой разумеющееся». Все это — определения классической философии, связанные с выводением «бытия» из других понятий, абстрагированием. Выведение «бытия» из других понятий возможно только в одну сторону — возрастания абстрактности до предельного уровня. Хайдеггер же стремится получить ответ о смысле бытия без посредства логического вывода. Для этого он предпринимает не *обобщение* всего сущего, а обращение к *особому роду* сущего, который может выступить в качестве «опрашиваемого». «Поскольку спрошенное составляет бытие, а бытие означает бытие сущего, опрашиваемым бытийного вопроса становится само сущее. <...> С какого сущего надо считать смысл бытия, от какого сущего должно брать свое начало размыкание бытия? Начало произвольно или в разработке бытийного вопроса определенное сущее обладает преимуществом? Каково это образцовое сущее и в каком смысле оно имеет преимущество?» (Хайдеггер, 2013: 6–7). Вывод Хайдеггера таков, что этот особый род сущего должен обладать свойством *присутствия*, как «высвечивания», «артикуляции» себя в своем бытии. Таким свойством обладает *Dasein* — «здесь-бытие» или «вот-бытие», иными словами — человеческое бытие, экзистенция. Именно бытие экзистенции сочетает в себе такие свойства, как *всеохватность* (внутри себя) и *непосредственная данность* (в сравнении с внешним миром). Некоторые исследователи, например Т. Б. Кудряшова, говорят об «эмоционально-экзистен-

циальных феноменах» как о творческой компоненте целостного взгляда на мир, предшествующей понятийному знанию, к которому мы уходим от «незавершившегося понимания» мира через живое присутствие (Кудряшова, 2005: 77–79).

При дальнейшем проведении параллелей между объективным миром и экзистенцией мы подходим к вопросу: *должна ли экзистенция быть структурированной подобно бытию в умозрительных системах классической философии?* В течение долгого времени начиная с далеких предшественников экзистенциализма ответ на этот вопрос был отрицательным. Однако в случае если такого варианта будем придерживаться и мы, то теряется цель нашего исследования, поскольку она состоит в терминологическом, языковом проникновении мышления в экзистенцию как в личностный мир, а язык как метод — уже структурирован и, следовательно, структурирует то, к чему применяется. «М. Мамардашвили говорил, — напоминает Н. А. Касавина, — что роль философии в познании культуры состоит в *распутывании*. Он высказал это... затрагивая и проблему экзистенциального опыта. Такое распутывание приводит к пониманию ситуаций его становления» (Касавина, 2013: 63). «Распутывание» означает структурирование того, что изначально спонтанно, хаотично и ненаправленно. Без выведения экзистенции в интересующий мир, в видимую часть мышления о ней не имело бы смысла говорить, она явилась бы подобием кантовской «вещи-в-себе» и не могла бы представлять собой проблему. Для вовлечения экзистенции в интересующий мир есть два способа, о которых говорит О. Ф. Больнов: «Можно либо отказаться от любой формулировки сущности существования и ограничиться развитым ранее методом приведения к переживанию существования, либо попытаться развить *новые понятийные средства* (курсив мой. — Н. Т.), которые все же позволят иным способом привести эту доселе непостижимую сущность существования к ясной и просматриваемой понятийной форме» (Больнов, 1999: 45).

О доминировании в языке внутренней структуры над чем-либо внешним рассуждает Ф. И. Гиренок. «Для самоустроения языку не нужны значения. Значения — это не кирпичи, из которых складывается язык. Если бы значения были бы кирпичами, то тогда из них получился бы не язык, а космос. Поскольку язык — это чистое различие, постольку в нем, как в математике, нет физических констант. Но именно поэтому математика — не физика, а язык — это не слова. И то, что существует как предметный язык, — не дело языка, а дело случая (курсив мой. — Н. Т.)» (Гиренок, 2012: 60). Таким образом, для языкового выражения экзистенции нужно спроецировать в нее вслед за категориями «бытие» и «сущее» элементарные составные части языка, найдя их исток в самой экзистенции (это и есть «вслушивание в бытие» у М. Хайдеггера).

Рассмотрение человеком самого себя объективно, с помощью категорий приводит к его раздвоению на субъект и объект и даже расщеплению на еще большее число частей за счет объекта, который может быть биологическим, психологическим, социально-историческим и пр. Следовательно, попытка человека рассматривать самого себя, пользуясь категориями, по возможности с максимально объективных позиций приводит его к утрате своей целостности, и экзистенция непроницаема для категорий объективного мира. «Данность субъекта самому себе не может быть обоснована посредством тиражирования (самого по себе бессмысленного) субъективного ядра», — пишет Г. Плеснер (Плеснер, 2004: 252). Необходимо найти такой способ структурирования «Я», который не лишил бы это «Я» целостности. Такой способ предлагает М. Хайдеггер — замену философских категорий экзистенциалами. «Экзистенциалы и категории суть две основовозможности бытийных черт» (Хайдеггер, 1997: 45).

Изначальная проблема всей философии Хайдеггера — преодоление «забвения бытия», которое «растворено в сущем», не видно за отдельными видами сущего, «заболтано». Далее

у философа эта проблема бытия переносится на человека посредством поиска особого рода сущего, «размыкающего» бытие и «артикулирующего» свой способ бытия. Поэтому Хайдеггер начинает говорить о неподлинности именно человеческого бытия, о его «растворении в сущем» — в вещах, в массе. Для того чтобы человек подошел не к сущему, а к самому бытию как к тому, через что существует сущее, включая его самого, для вопрошания о смысле своего бытия, своей личностной сути человеку нужна трансценденция — выход за пределы видимого предметного мира. Это происходит в состоянии экзистенциального *страха*. Отсюда, «страх» — первый экзистенциал у Хайдеггера. Вообще, Ю. А. Разинов считает, что экзистенциалы философ понимает как «особые кристаллизации фундаментального опыта присутствия, более изначальные нежели категории» (Разинов, 1999).

Свои связи в картине мира образуют эмоции, присущие ей изначально и вновь возникающие после завершения понятийной систематизации и восстанавливающие, как пишет Т. Б. Кудряшова «искусственно разорванные связи... не поддающиеся четким определениям, но так или иначе дающие о себе знать и помогающие глубже понять мир» (Кудряшова, 2005: 82).

Таким образом, экзистенциалы разрабатываются путем усмотрения в бытии качественно иных связей и отношений, нежели категориальные, — живых, «присутственных», субъект-субъектных, отношений «Я — Ты» вместо «Я — Оно» (М. Бубер). Именно такие связи и отношения образуют в мире новую упорядоченность, поверх той, которая уже есть в объективном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такое философско-антропологическое понимание макро- и микрокосмоса восходит к эпохе Античности, и его следует отличать от физического понимания этих терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большов, О. Ф. (1999) Философия экзистенциализма. СПб. : Лань. 224 с.
- Воскобойников, А. Э. (2013) Универсальные ценности в современном многоликом мире // Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 364 с. С. 21–28.
- Гиренок, Ф. И. (2012) Абсурд и речь: антропология воображаемого. М. : Академический проект. 237 с.
- Касавина, Н. А. (2013) Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры // Вопросы философии. №7. С. 63–72.
- Кудряшова, Т. Б. (2005) Онтология языков познания: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново. 370 с.
- Плеснер, Г. (2004) Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М. : РОССПЭН. 368 с.
- Разинов, Ю. А. (1999) Понятия категории и экзистенциала в философии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. № 1 (11). С. 57–67.
- Хайдеггер, М. (1997) Бытие и время. М. : Ad marginem. 451 с.
- Хайдеггер, М. (2013) Бытие и время. М. : Академический проект. 447 с.

Дата поступления: 31.05.2014 г.

PHILOSOPHICAL CATEGORIES AND EXISTENTIALS:

COMPARISON ANALYSIS

N. V. TIMOKHIN

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article provides a comparative analysis of philosophical categories covering both the objective world and existentials which express the interior condition of a person.

The categories which reflect the objective world are the universal one of “being”, “things existent” as a separate variety of being, and the categories indicating the types, properties and qualities of things — “idea”, “matter”, “movement”, “space”, “time”, “cause”, “interaction” and some others.

We have studied three existentials — “existence”, “fear” and “meaning of life”. The latter two, being universal, also form a logical pair. The structure of the existence is formed by the change from “fear” to “meaning of life” via more particularized conditions.

This sheds some light on the methodological difference between classical rationalism and existentialism, founded respectively on abstraction and particularization. These methods involve two opposite directions of thinking depending on whether they direct the thinking subject towards interaction with an object or another subject. It is through personality development that a change happens in the condition of existence, a change expressed in existentials, happens during occurs during development of personality.

Some existentials may be linked to the spheres of ontology and epistemology, but do not themselves become ontological and epistemological concepts. The most universal existentials can transfer categories of classical philosophy into a sphere of their own: thus, “being” corresponds to “existence”, and “things existent” — to “existential”.

As it is impossible to objectify existence, issues with its structuring arise. They can be overcome through language, which distinctly structured per se, regardless of where it is used.

We postulate that man’s self-reflection by means of existentials does not lead to loss of integrity, as it happens when categories of classical philosophy are used.

Keywords: philosophical category, existential, existence, abstraction, particularization, objective world, intersubjective world, everyday, unauthentic being, M. Heidegger.

REFERENCES

Bol’nov, O. F. (1999) *Filosofiiia ekzistentsializma* [The Philosophy of Existentialism]. St. Peterburg, Lan’ Publ. 224 p. (In Russ.).

Voskoboinikov, A. E. (2013) Universal’nye tsennosti v sovremennom mnogolikom mire [Universal Values in the Modern Multifaceted World]. In: *Sovremennoe sostoianie kul’ tury i obschestva: osobennosti i perspektivy razvitiia Rossii* [The Current State of Culture and Society: Features and Prospects of Russia’s Development]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 364 p. Pp. 21–28. (In Russ.).

Girenok, F. I. (2012) *Absurd i rech: antropologiiia voobrazhaemogo* [The Absurd and Speech: An Anthropology of the Imaginary]. Moscow, Akademicheskii Proekt. 237 p. (In Russ.).

Kasavina, N. A. (2013) Ekzistentsial’nyi opyt: perezhivanie puti i stanovlenie struktury [Existential Experience: Experiencing the Way and the Becoming of Structure]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 63–72. (In Russ.).

Kudriashova, T. B. (2005) *Ontologiiia iazykov poznaniia* [An Ontology of the Languages of Cognition]: diss. ... Doctor of Philosophy. Ivanovo. 370 p. (In Russ.).

Plesner, G. (2004) *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuiu antropologiiu* [The Levels of the Organic and Human Being. Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow, ROSSPEN Publ. 368 p. (In Russ.).

Razinov, Yu. A. (1999) Poniatiia kategorii i ekzistentsiala v filosofii M. Khaideggera [The Notions of Category and the Existential in the Philosophy of M. Heidegger]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (11), pp. 57–67. (In Russ.).

Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow, Ad marginem Publ. 241 p. (In Russ.).

Heidegger, M. (2013) *Bytie i vremia* [Being and Time]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 447 p. (In Russ.).

Submission date: 31.05.2014.

Тимохин Николай Валерьевич — аспирант кафедры философии, политологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности,

д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-51-51. Эл. адрес: russianfaust@list.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. А. Э. Воскобойников.

Timokhin Nikolai Valerievich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Politology and Culturology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-51-51. E-mail: russianfaust@list.ru. Research advisor: Doctor of Philosophy, Professor A. E. Voskoboinikov.